ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 НОЯБРЯ (10 декабря) 1905 г.

№ 23

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

Новая Жизнь

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

26 ноября, в 12 час. дня, помещение Совета Рабочих Депутатов было окружено войсками, и в 5 час. арестован председатель Совета, товарищ Хрусталев-Носарь.

С.-Петербург.

27 ноября 1905 г.

Социальная революция.

Революционный энтузиазм — прекрасная вещь, и способствовать его росту — прямая обязанность всякого революционера. Однако — даже такое священное чувство имеет свои дурные стороны, потому что ничего абсолютного нет на свете. Социал-демократия встречает в революционном энтузиазме не только могучего союзника, но иногда и препятствие к проведению в массы строгой, не всегда льстящей желаниям нашего сердца истины.

Чистым представителям революционного энтузиазма или революционной фразы выпадает на долю легкое дело. Приятно бросать в разгоряченную толпу непосредственно или через газету огненные призывы и все обещать, обещать, не обинуясь: „Будет вам и свобода, будет и равенство и братство и всеобщее счастье, все вам союзники, весь трудящийся люд встанет заодно и приведет к торжеству социализма и в деревнях и городах". Приятно говорить так, дав волю безбрежному энтузиазму, приятно и слушать, чувствуя себя окруженным золотым туманом надежд и предвкушений. Но нет ничего вреднее хотя бы и самого благородного, но некритического пафоса. Птицы сирены, которые, когда поют, сами себя забывают, могут оказаться помимо своего желания отвратителями бодрости революционной мысли.

Соц.-дем. — прежде всего представитель революционной мысли. Для нее грядущее зависит не от преходящих настроений толпы, какой бы серебряной пеной, какими бы кипящими брызгами ни играло оно, а от столкновения общественных сил, удельный вес которых определяется прежде всего и главнее всего степенью экономического развития страны и вообще цивилизованного мира. Часто соц.-дем. приходится играть роль каркающего ворона. Приятно ли разным „с боку припекам", временно увлеченным могучим потоком пролетарского движения, и разным демократам „тоже - социалистам" слышать, как против них предостерегают рабочий класс, как их газеты порочат как возможных, вероятных изменников? Приятно ли рабочему, еще чувствующему себя наполовину собственником и крестьянином (а таких много), слышать резкую характеристику крестьян как прекрасных союзников в деле борьбы за демократический строй, но несомненных недругов (в значительной своей части) истинному социализму?

Одним хотелось бы заразить пролетария своей суб'ективностью, впрочем искренней и восторженной любовью к свободе; им хотелось бы, чтобы пролетарий поверил в ее самоуверенность, в то, что она наивысшее благо на земле, в то, что все, стремящиеся к полной свободе, — естественно братья. Но является соц.-дем., и краски царства тускнеют, а свобода, политическая свобода уже не кажется рабочему вратами рая, а только необходимым оружием для дальнейшей борьбы. Свобода оказывается лишь первой станцией, за которой тянется еще тернистая дорога, предстоит упорная и страшная борьба.

Другие восторженно уверяют, что, раз завоевав свободу, социализм завоевать уже будет легко, так как „весь трудящийся люд" несомненно проникнется его идеалами. Но это грандиозное и могучее целое, этот стомиллионный русский трудящийся люд, при прикосновении соц.-демократической критики, распадается на свои элементы, и перед лицом своей огромной и святой задачи пролетарий видит себя одиноким: дело твоего освобождения, дело освобождения всего мира может быть лишь делом твоих пролетарских рук.

Не на почве этого скептицизма, этого критически-холодного анализа соц.-демократия строит свой тем более могучий призыв: пролетарии, организуйтесь! В единении ваша сила, в единении именно пролетариев между собою! А в классовом одиночестве, выясненном рабочему соц.-демократией, она утешает его, показывая ему многочисленную семью его братьев пролетариев других национальностей.

Когда революции еще не было налицо, когда соц.-демократия лишь самоотверженно подготовляла ее и горячо ожидала, она твердила: сначала, как предтеча настоящей, социальной революции, придет в России политическое освобождение страны, которое выдвинет на первое место буржуазию; в этом перевороте роль главной революционной силы сыграет пролетариат, но он ограничится завоеванием свободы и в промежуток, отде-

ляющий торжество свободного капитала от его гибели, займется постепенно со всей энергией делом организации своих сил.

Крикливые анархисты вопили о том, что социал-демократия, таким образом, сознательно отдает пролетариат на службу буржуазии. Прекраснодушные „эс-эры“, пожимая плечами, негодовали на недоверие к крестьянскому богатырю, который произвольно, единым взмахом осуществит царствие божие на земле. Но социал-демократия держалась своей научной точки зрения. Она строжайше различала оба момента. Она учила, что было бы страшным грехом допустить в рабочих массах веру в то, что армия политического освобождения, состоящая не только из пролетариата, но также из мелкой и средней буржуазии, захочет и сможет осуществить идеалы, присущие лишь рабочему классу. Идеализировать буржуазную революцию значит способствовать распущению пролетариата во всенародной армии политического освобождения. Нет, пролетарии, по учению социал-демократии, должны были памятовать, что они, будучи одним из батальонов этой армии, являются единственной армией социализма, и что, завоевав свободу, они должны будут продолжать работать над усилением этой части пролетарской армии.

Социал-демократия считала не меньшим грехом допустить в рабочих равнодушие к политической буржуазной революции, она боролась с ядом анархизма, в каком бы виде ни вливался он в уши рабочих, потому что свобода есть необходимая для дальнейшей борьбы предпосылка, а не борясь за нее, пролетариат никогда не добился бы сколько-нибудь широкой свободы.

Но революция разразилась. Гадаемое будущее стало реальной действительностью. На мгновенье некоторые социал-демократы, главным образом давно оторванные от России эмигранты, не оценивали сразу всего ее размаха: они слишком просто и теоретично приложили прежнее принципиально совершенно верное положение к действительности. Буржуазия идет к власти и достигнет ее; пока она идет к ней, пролетариат должен поддерживать и подталкивать ее; когда она займет власть — пролетариат поведет против нее правильную осаду, как партия крайней оппозиции.

Но на деле выяснилось, что буржуазия боится сколько-нибудь широкой демократической свободы, что она с первых шагов трусит, изменяет, колеблется, лицемерит, что она еще менее способна на настоящую, жестокую, беспощадную борьбу с беспощадно жестокой реакцией, чем Ламартины и Кампгаузены, что свобода может быть завоевана и гарантирована только низами демократии, встряхнуть, поднять, организовать которые способен лишь пролетариат. Не будучи еще социальной, русская революция сразу почти стала по преимуществу пролетарской. Первый этап — свободу — русскому народу придется завоевать под командой сознательного пролетариата. Эту необходимость для сознательного пролетариата взять в свои руки фактическое руководство революцией, фактическую революционную власть сначала не все поняли. Но, присмотревшись к жизни, и менее решительные стали быстро приближаться к вышеизложенной точке зрения.

Но что же теперь? Если пролетариат, сорганизовавшись в процессе революции, добьется власти — выпустит ли он ее из рук? Не будет ли последний решительный удар против политического гнета первым ударом против капитала? Не приступит ли победоносный пролетариат немедленно к ряду реформ, выходящих за рамки революционной борьбы с реакцией и осуществления программы-минимум? Не пойдет ли вперед пролетариат, ни минуты не передохнув на станции „Свобода“, прямо к станции „Социализм“?

Невозможного тут ничего нет. И сперва в „Искре“, теперь в „Начале“ на этот вопрос был дан некоторыми товарищами довольно категорический утвердительный ответ.

И вот поднялся переполох! Обрадовались прежде всего путанники из партии соц.-рев. Им показалось, что некоторые наши товарищи чуть-чуть что не становятся на их точку зрения, они усмотрели было изменение позиции русской с.-д. партии по коренному вопросу и роковое разногласие в среде социал-демократов. Весь этот шум — пустая болтовня. Смысл строгого разграничения общенародной буржуазной революции и пролетарской социальной — остается в силе; дело идет лишь о возможном ускорении темпа событий, а, как известно, определение темпа — это сказал еще Каутский — зависит в сильной мере от темперамента. Одним пресловутый „промежуток“ кажется очень значительным, в глазах других он сокращается до минимума. Одни думают, что социальная революция в Европе, непременное условие единовременной социальной революции в России, будет чрезвычайно сложным длительным процессом, — другие, повидимому, представляют себе его как бурный катаклизм. О серьезном разногласии может кричать только русская буржуазная демократия, которая по примеру своих западных сестер и во сне видит разногласие социал-демократов. Идея возможности быстрого наступления социальной революции напугала демократов до ужаса. Они стали пресерьезно представлять нам векселя, якобы гарантирующие им продолжительный Galgenfrist (висельный срок). „Разве Маркс не писал, что сначала буржуазия должна добиться полноты власти, а уж потом придет ей капут, а вы не хотите нам дать хоть перед смертью полнотой власти натешиться“ — плачутся демократы из „Нашей Жизни“. Соц.-демократы не гарантируют ни власти, ни спокойствия за буржуазией, они всегда готовы итти так далеко, как будет возможно, и с такой быстротой, какая будет мыслима. Однако ни уменьшать в глазах рабочих трудностей предстоящей борьбы, ни выдавать временных союзников за их братьев по оружию соц.-демократия никогда не станет. Успокаивая свой страх, буржуазные публицисты отрицают решительно возможность социальной революции в России, в виду недостаточной капиталистической зрелости страны, слабой концентрированности капиталов. Но никто и не мечтает о немедленной организации всего производства на чисто социалистических началах. Дело может итти лишь о том, чтобы „обезглавить“ капитализм, обобществив те отрасли производства, которые уже более или менее созрели для этого.

Таким образом создан будет громадный экономический центр, который будет могуче регулировать экономическую жизнь страны, способствуя тому, что отдельные еще не социализированные элементы производства станут

быстро подыматься по культурной лестнице к полному и законченному социалистическому строю, шагая разом через несколько ступеней.

Само собою разумеется, что необходимой предпосылкой для таких успехов пролетарской революции является сплоченность, организованность и сознательность всего русского пролетариата. Но и этого мало: социальная революция в России возможна лишь в связи с европейской социальной революцией. Многое однако заставляет думать, что она может притти скорее и неожиданнее, чем предполагают. Во всяком случае ни один соц.-дем. не станет давать зарока на какой бы то ни было срок. Буржуазная политическая и пролетарская социальная революции могут оказаться совпадающими по времени, я разумею последние звенья первой и первые второй; не в том выразится истинное, требуемое соц.-дем. строгое различение буржуазной и социальной революций, что рабочие, закончив первую, назначат себе приличный стаж перед второю, а в чистоте социал-демократической организации пролетариата, в ее безусловной независимости. Различие между обеими революциями не во времени, а в той роли, которую будут играть в той и другой различные классы. Пусть социальная революция тесно примыкает к политической — все же огромное большинство теперешних союзников рабочего класса станет его противниками.

А. Луначарский.

Русская печать.

Я не советовал бы „Руси“ верить „экспертам“ на социал-демократию из „Нашей Жизни“. Доверившись опытности этих господ, считающих себя как бы нашими соседями, „Русь“ печатает в № 31 следующее:

В статье г. Троцкого доказывается, что „непрерывная революция становится для пролетариата законом классового самосохранения“. Это — теория меньшевиков, противополагаемая „большевикам“, стоящим за эволюцию.

Это развязное сообщение, разумеется, совершенный вздор. Тов. Троцкий говорил, что пролетарская революция может, не останавливаясь на первом этапе, продолжить свой путь, тесня эксплоататоров, а Ленин указывал на то, что политическая революция есть лишь первый шаг. Публицисту из „Нашей Жизни“ захотелось увидеть тут противоречие; но он же говорит, что, сделав первый шаг, мы остановимся, или хотя бы приостановимся, и он же говорит, что, в виду предстоящего нам непрерывного марша, мы вовсе не должны делать первого шага. Все недоразумение возникло, во-первых, от ужаса „Нашей Жизни“ перед самым именем социальной революции, во-вторых, от ее желания отыскать какое-нибудь острое и пикантное разногласие между соц.-дем. и, в-третьих, от образного выражения тов. Троцкого: „одним ударом“. В № 10 „Начала“ тов. Троцкий совершенно недвусмысленно раз'яснил свою мысль.

Полная победа революции означает победу пролетариата, — пишет тов. Троцкий.

Эта последняя, в свою очередь, означает дальнейшую непрерывность революции. Пролетариат осуществляет основные задачи демократии, — и логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто-социалистические проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революционная непрерывность. Это не один „удар“, это не день и не месяц, это целая историческая эпоха. Было бы нелепостью заранее учитывать ее продолжительность.

В уже цитированной нами заметке „Русь“ в несколько туманной форме противопоставляет друг другу социал.-демокр. и умеренно-революционную тактики:

Непрерывно и постоянно кипеть в котле великих событий никакая страна, никакой народ не может. Нужны осуществимые цели для революционного действия и затем планомерная эволюция в определенном направлении. Социал-демократия упрекает демократическую интеллигенцию за промахи ее тактики. Но в настоящую острую пору освободительного движения большой вопрос, чья тактика в состоянии повредить движению: тактика „предметной“ революции, имеющей в виду определенную цель, или „непрерывное“, „в интересах самосохранения“ революционное действие, которое в некотором роде может стать искусством для искусства? Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее. Есть ли эта „потусторонняя“ решимость у фракции „Начала“?

Все это немножко темно. „Руси“ хотелось бы, чтобы революция поставила себе „предметную цель“, а интересный и желанный „предмет“ есть, разумеется, буржуазный „правовой строй“. А потом „эволюция“, нечто вроде мирной полусоциалистической бернштейниады. „Нужна решимость для революции, но нужна решимость и после нее“. Да, нужна: после политической освободительной революции нужна решимость как можно скорее и полнее совершить революцию социальную, и эта „потусторонняя“ решимость имеется, конечно, у „фракции „Начала““, как имеется она у всей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

„Революционная“ „Наша Жизнь“ боится революции, но делает вид, будто совсем не она, — нет, боится „буржуазия“. И вот этой-то трусливой буржуазии храбрый революционер Р. Б. старается об'яснить в № 344, что революция совсем не страшна.

Как началась русская революция? Торжественным ходом мирных рабочих и их жен и детей к „батюшке-царю“ с в с е п о д д а н н е й ш и м п р о ш е н и е м. — Как продолжалась русская революция в октябрьские дни? — Простым прекращением работ, тихим возвращением в собственный угол, молчанием и голодовкой. Это — революция! — А какова контр-революция? — Вспомните Киев, Одессу, Томск и десятки или с о т н и тех несчастных городов и местечек, где революция слаба, а контр-революция сильна!

В этом, конечно, много правды. Но тайный страх г. Р. Б. заставляет его ради успокоения буржуазии, а в том числе и себя самого, прололжать в таком духе:

Революционеры, конечно, выражаются очень „сильно“, и устно и письменно. Призывы к „вооруженному восстанию“, „бесконечной революции“, „захвату власти“, „захвату земли“ встречаются часто в революционных изданиях, но попытки к осуществлению этих призывов делаются только там, где революционной организации нет или она в самом младенческом состоянии. Чем сильнее революционная организация, тем менее она склонна к легкомысленным авантюрам.

Р. Б. хочется уверить себя, что все это так только, „кривые словца“ и что чем сильнее будет организация революционного пролетариата, тем дальше будет она от „захвата власти“. Мудрец, вроде мудрецов из „Нашей Жизни“, Луи Блан постоянно повторял своим друзьям рабочим: „главная мудрость рабочего революционера — не слушать буржуазию“. Но мы не склонны быть столь мудрыми дипломатами, напротив, мы можем поручиться, что революционный пролетариат не даст ни минуты

передышки буржуазии, его натиск не ослабеет ни от каких реформ, ни от каких мер, возможных в недрах ненавистного ему капиталистического строя, его революция не будет, конечно, „бесконечной", как безграмотно выражается г. Р. Б., но она будет непрерывной, концом же ее, несомненно, будет захват власти, диктатура пролетариата. Демократическая республика будет лишь этапом на этом пути.

*** Г. Н—ов в „Новом Времени" констатирует опасность положения:

Пролетариат вооружается. Кто бывал за последнее время на рабочих митингах, слышал постоянно раздающийся призыв к оружию и наблюдал, с каким энтузиазмом рабочая масса воспринимает идею вооруженного восстания, тот может составить себе ясное представление о том, какая это грозная, организованная сила, готовая двинуться по первому сигналу своих вожаков.

На энергию правительства г. Н—ов не надеется вовсе:

Наше правительство, с своей стороны, обнаруживая полную растерянность и ничем не оправдываемую медленность в осуществлении необходимейших реформ, прямо ведет страну к революции.

Г. Н—ов призывает общество к самозащите. С этой целью он рекомендует:

дружины из образованных и энергичных людей, способных в открытом, честном словесном турнире с противником внести просветление и идею права в темные массы, — нужнее всего России в настоящий критический момент.

Г. Н—ов повествует даже о каких-то мнимых успехах дружин партии правового порядка, о каком-то заседании, которое началось враждебно к ним и кончилось их триумфом. Об этом триумфе их я и не слыхал. Знаю о другом „триумфе", именно: из собрания городских служащих, начавшегося, действительно, отказом слушать политические речи, был выгнан с криками: „вон провокатора!" гр. Бобрищев-Пушкин, один из атаманов нововременских дружин. Подобные факты, вероятно, не редки, потому что г. Н—ов уже бормочет что-то насчет спаивания соц.-дем. всякого рода хулиганов, которые будто бы и препятствуют дружинникам растолковать рабочим, что их истинные друзья сидят в редакции „Нового Времени".

*** Гр. Витте вывел из терпения даже своих французских буржуазных друзей. Ультра-буржуазное „Figaro" пишет:

Но существует ли в России какое-нибудь правительство? Вот вопрос, который в праве задать себе правительство цивилизованных стран, когда оказывается, что всякое почтовое и телеграфное сообщение со всей Российской империей прервано. Прошел целый месяц, а дух манифеста (17 октября) ни в чем еще не осуществился. В течение целого месяца граф Витте, который, нам казалось, так хорошо начал, не получил или вернее не взял ни одного императорского декрета, который заключал бы в себе хотя бы одну из столь громко возвещенных гарантий.

*** Биржевая паника и тщетные попытки Государственного банка искусственно поднять цену бумаг путем участия в биржевой игре вызывают негодование газеты „Слово":

Государственный банк, — пишет эта газета, — держит более 25 проц. своего разменного фонда, обеспечивающего внутренний выпуск кредитных билетов, за границей в разных банках на текущем счету. Банки эти употребляют средства Государственного банка на репортные операции в целях поддержки курса русских фондов, т. е. покупают наши бумаги с обязательством продавца снова их взять по определенной цене в известный срок. При падении (особенно резком) курсов вполне возможно разорение этих продавцов, разорение и банков, имеющих средства Государственного банка на своем счету, да и вообще возможны такие комбинации, при которых фонд Государственного банка начнет исчезать: биржевая игра — опасная игра, особенно когда ведет ее неумный игрок.

Между тем разменный фонд, обеспечивающий кредитные билеты и правильное золотое обращение, нужен вовсе не для поддержки курса старых государственных займов. Если перевод за границу русских денег все более и более будет возрастать (а это неизбежно при революции), разменный фонд уйдет в обращение вместо кредитных билетов. Последует сильное

По поводу.

II.

Мне присланы разными лицами несколько писем, — все они написаны в истерическом, воющем тоне, со страниц их брызжет темный, жуткий страх. Ясно чувствуешь — те, кто писал, переживают тяжелые дни и часы, видишь, что много мучительно-острых мыслей режет их сердце, пугает их сон.

— „... Что случилось с этим добрым русским народом, почему он вдруг стал кровожадным зверем?" — спрашивает дама, приславшая письмо на дорогой, пропитанной духами бумаге.

— „Забыт Христос и его учение, поругана проповедь любви, нет уважения к человеку..." — мрачно сообщает „дворянин Ф." из Сум. И осведомляется: — „Вы довольны?"

— „Где же плоды проповеди любви к ближнему, где влияние школы и церкви?" — спрашивает Х. Бровцын из Тамбова. — Одни ругаются и грозят смертью, другие только жалуются и вопят, все взволнованы, всем тяжело и больно, всем жутко жить в эти великие трагические дни".

Я не могу отвечать каждому порознь и отвечаю всем сразу.

Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа. Все, что вы чувствуете, все, что вас мучает, — вы заслужили. И я могу только одно сказать вам, одного пожелать, — чтобы еще глубже, еще с большей силой вы впитали, поняли, пережили весь ужас этой жизни, созданной вами. Пусть сердца ваши дышат страхом, пусть кошмары давят ваш сон, пусть все безумное и жестокое, что творится в нашей стране, жжет вас, как огонь, — вы стоите этого. Это или погубит вас, или — быть может — очистит от грязи и пошлости все честное и здоровое, что осталось в душе вашей, которую вы так мало берегли, наполняя ее жадностью, властолюбием, ложью и всяческой скверной.

Сударыня! Вы хотите знать, что случилось с народом? У него лопнуло терпение. Он долго молчал, долго неподвижно подчинялся насилию, он терпеливо держал всю вашу жизнь на своей спине раба, и вот — больше не может! Он сбросил еще далеко не всю тяжесть, насильно возложенную на него, — вы рано испугались, сударыня!

И почему бы — давайте говорить откровенно — почему не быть ему зверем? Что сделали вы для того, чтобы он не был таким? Вы чему-нибудь разумному научили его, что-нибудь доброе посеяли в душе его?

Вы всю жизнь только брали его труд, его последний кусок хлеба, брали легко и просто, не понимая, что вы берете; вы жили, не спрашивая себя — чем, чьею силой

уменьшение количества денежных знаков в стране, ибо они будут выменены на золото, а золото увезено за границу. Наступит общий денежный кризис. Дисконтный процент возрастет в самой сильной степени, что окончательно убьет промышленность и торговлю. Останется два выхода: или приостановить размен, выпуская, сколько потребуется, кредитных билетов для надобностей торговли и промышленности, или обеспечить приток капиталов из-за границы обратно в Россию. Во всяком случае, серьезные меры надо предпринять раньше, чем исчезнет разменный фонд, ибо, если его сохранить, остановив размен, — с приведением в порядок наших дел возможно восстановление золотого обращения, иначе мы опять на десятки лет очутимся при неразменном бумажном обращении.

Когда кризис угрожает карману наших „имущих“, они становятся очень радикальны в критике правительственных мер. Но вот насчет положительных мероприятий дело у них идет туго. Казалось бы ясно: нынешнее правительство, в качестве того же самодержавия, слегка разбавленного медовыми речами, не вызывает доверия в своих кредиторах. Исправность фирмы „Российское государство“ гарантируется платежеспособностью общества, но когда скверное управление делает это общество неплатежеспособным, тогда остается выбирать: либо банкротство, либо устранение правительства, приведшего к разорению. „Слово“ тоже не прочь устранить... правительство Витте с тем, чтобы вернуться к „твердой“ власти (на почве 17 октября, конечно: теперь все сидят на этой „почве“). Но при этом „Слово“ благоразумно забывает, что банкротство государственного хозяйства России создано всецело старым порядком, и если финансовые фокусы оказались бессильными спасти страну от разорения, то не благодаря „радикализму“ Витте, а благодаря отсутствию радикальных преобразований. Пережитки самодержавной России потерпели крушение в роли „управителей“, ergo; судьбы страны должны быть отданы в руки ее хозяина, — а наши финансисты — распущены, за ненадобностью.

Вопросы дня.

Тульские помещики и петербургские фабриканты.

Обычная манера реакционеров всех стран и времен — говорить от лица народа, клясться его именем. Прежде это было чрезвычайно легко и не вызывало никаких затруднений. „Народ безмолствовал“, значит любой хулиган и черносотенник, в особенности из „благородного сословия“, имел широкую возможность лгать и клеветать на всю страну от имени народа, не опасаясь, что ему бросят в физиономию соответствующий эпитет. Теперь дело обстоит не так просто: народ не только не безмолвствует, но, наоборот, заставляет смолкнуть лжецов и клеветников.

Но старая привычка берет свое, и то один, то другой черносотенник выползает из своей дыры и бормочет разные непристойности от имени народа. При этом, разумеется, происходит соответствующее разделение сфер компетенции, а именно, помещики, эксплоатирующие и истязающие своих крестьян, говорят от имени русской деревни, в то время как фабриканты и заводчики, специализирующиеся на высасывании соков из своих рабочих, говорят от имени рабочего класса.

24 ноября ездили в Царское Село депутаты от тульского губернского земства: граф Бобринский, князь Урусов и еще 4 тульских помещика без титулов. От имени Тульской губернии они заявили, что „крестьяне тульские сознают, что помощи они могут ждать не от злых или сбитых с толку людей, которые своими лживыми посулами пытались оторгнуть их от нашего общего отца и государя; помощи наше крестьянство ждет от царя и через царя“. Радуясь за крестьян, что с них сложили давно уже выплаченные ими выкупные платежи, тульские

вы живы. Вы дразнили голодного и нищего богатством ваших нарядов, когда жили на даче, около мужиков, вы смотрели на них, как на людей низшей расы. Они все это понимали. Они довольно чуткие люди и не очень уж злые, но вот вы разозлили их, наконец. Это ведь очень просто: пируя на глазах нищих, нельзя ожидать от них благодарности; ваше пение, ваша музыка не могли облагородить голодного, ваше снисходительно-брезгливое отношение к мужику не могло воспитать в душе его уважения к вам. Что вы сделали для него? Вы позаботились о том, чтобы он был мягче сердцем? Вы ожесточали его. Вы хотели, чтоб он был умнее? Вы не думали об этом. Мужик был для вас рабочее животное, иногда вы забавлялись им как дикарем, вы никогда не смотрели на него как на человека, что же удивительного, что он зверь для вас?

Сударыня! В вашем вопросе не только ваше незнание жизни, в нем есть и лицемерие грешника, который уже чувствует, что согрешил, но еще не хочет искренно покаяться.

Вы знали, вы не могли не видеть, как живет мужик. Человек, которого бьют, рано или поздно даст сдачи; человек, которого не жалеют, — не может жалеть, — это ясно. Хуже, — это справедливо. Поймите меня — ужас не в том, что бьют, а в том, что не могут не бить, не в том ужас, что не жалеют, а в том, что не могут жалеть.

Как можете вы искать жалости в сердце, где вами посеяна месть?

Сударыня! В Киеве добрый русский народ выкинул из окон дома Бродского вместе с мебелью гувернантку и бережно сохранил канарейку в клетке. Подумайте над этим — маленькая желтая птица вызвала что-то вроде сострадания к себе, а человек был выкинут из окна. Сострадание, видимо, есть, но человек, должно быть, не заслужил его — вот где ужас и трагедия. Сударыня! Уверены ли вы в своем праве требовать, чтобы с вами обращались как с человеком, если вы сами всю жизнь относились к человеку без жалости, без сострадания, не признавая в нем равного себе?

Вы пишете письма, вы грамотны; вероятно, вы читали книги, изображающие жизнь мужика? Чего вы хотите от него для себя, если, зная, как он живет, вы не могли изменить его жизнь к лучшему? И вот, он изменил вашу жизнь к худшему, заставив вас дрожащей от страха рукой писать полные отчаяния письма к человеку, который — вы бы должны это знать — не захочет рассеять ваш страх, не захочет утешать вас, нет!

Возмездие естественно. Мы живем в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда.